

Наталья Николаевна Моловцева родилась в селе Константиновка Ромодановского района Мордовской АССР. Окончила факультет журналистики Московского государственного университета. Работала в газетах Магаданской, Сахалинской, Воронежской областей, Якутской АССР. Публиковалась в газете «Литературная Россия», журналах «Молодая гвардия», «Подъём», «Странник», «Ковчег» и сборниках прозы. Автор книг прозы «Меня оклики», «Тонкий серпик луны», «Берега вечности». Лауреат премии «Кольцовский край». Член Союза писателей России. Живет в городе Новохопёрске Воронежской области.

Наталья Моловцева

АРИАН ИЗ СОЗВЕЗДИЯ ОРИОНА

Рассказы

Всякий, кто бывал в нашем селе впервые и впервые слышал это имя — Ариан, интересовался: не русский, что ли? И в ответ слышал: да как не русский, если отец был — Гаврила, мать — Катерина, а братья у него Васька да Колька.

Как получился Ариан?

Мать, Катерина, самому Ариану рассказывала об этом так:

— Отец накануне твоего рождения всю ночь не спал. Я на кровати лежу, он — на полу. Керосин жгет, читает книжку. Он всю жизнь так: люди керосин берегут, а он его на книжки переводит. Чего, спрашиваю, читаешь? Про греческих героев, — говорит. Ну, и чего про них пишут? Да вот, говорит, был один... так уж мне по душе. Ростом высок... красавец... охотник, каких поискать. К искусству интерес питает. Зовут Орионом. Народится у нас сын, мы его так же назовем. Я засмеялась: а вдруг родится девчонка? Нет, говорит, сын будет. И ведь угадал! Сам и в сельсовет пошел, твое рождение записывать. Там спрашивают: какое имя парнишке придумали? Ну, он и сказал, какое. Сельсоветские греческих книжек не читали, но при-

знаваться в этом не захотели. «Нынче у нас бланков нету. Как получим — запишем, принесем». Ну, и записали так, что вместо «Ориона» у них получился «Ариан». Мы документ в шкаф положили да и забыли про него. Достали, когда пришла пора тебе в школу идти. Я хоть и не шибко грамотная, а странное имя разглядела, и в слезы: «Отец, сына в школе дразнить будут». А он: глупая ты баба, знаешь ли ты, что есть такая примета — имя человека бросает отсвет на всю его судьбу? У нас в роду все землепашцы были, так пусть хоть у одного из сыновей судьба будет другая — с особинкой.

— Ну, и какую особинку он мне загадал? — интересовался сын.

— Про это он ничего не говорил. Только вот это: что не на земле работать будешь.

Мать умолкала в задумчивости, потом добавляла:

— Чудной он был, ваш отец. И имя тебе придумал чудное. А сельсоветские еще чуднее его сделали...

Изобретателя имени в сорок первом забрали на войну, и домой Гаврила уже не вернулся. Семья погибшего солдата — Катерина, Васька, Колька, Ариан — жили, как все: ели барду, картошку, а когда картошка кончалась — очистки от нее и все, что выросло на лугу и в лесу. В школу бегали по очереди — справная одежда, нехудая обувь была одна на всех. Над Арианом здесь поначалу и вправду смеялись: «Ариан — подай стакан», а потом девчонки придумали называть его Ариком — и все, шутки кончились. Так и выросли. А потом по очереди уходили из дома: сначала Васька (он выучился на военного и жил на Дальнем Востоке), потом Колька (этот женился и ушел жить к жене на другой конец их большого в те поры села). Остались они с матерью «удвох».

Ничего, помаленьку отошли от войны. В начале шестидесятых даже на дом замахнулись. Колхоз, как вдове солдата, помог Катерине лесом. И вот стены стоят, а окна, а двери? Напротив жил Володька Ершов, плотник, он и надоумил:

— Берись, Ариан, за дерево сам. Я тоже когда-то ничего не мог, а нужна приперла — научился. Надо инструментом помочь — помогу.

Нужда — великий учитель, — понял Ариан. Катерина же, глядя, как сын мается, впервые связывая глухие, без форточек, рамы, вздыхала:

— Вот тебе и судьба на особинку. Куда нам... Все, как у людей.

После рам Ариан взялся за двери. Соседи, усмотрев его умение, потянулись с просьбами: «Арик, оконца бы... сруб для колодца... верандочку...»

Режим он себе завел такой: вставал в четыре утра — до шести работал у людей. С шести утра до шести вечера — в колхозе. Вечером — опять в люди. Глядел на результаты своих трудов — все правильно, крепко, надежно, а все же чего-то не хватает. Однажды осенило: красоты! Крепкие ворота, надежная крыша — куда как хорошо, но глаза, душа просят еще и красоты. И он, как когда-то отец, пошел в библиотеку: «Есть у вас чего-нибудь о работе по дереву?» Смешливая молоденькая библиотекарша пошарила по полкам, протянула ему книжечку. Ариан открыл ее и обомлел: стоит банька с оконцем, и то окошечко все в деревянных кружевах... вот, оказывается, как можно...

И пошла писать губерния: наличники кто заказывал — нате вам с узорами, шкафы для одежды и шкафчики для посуды — с ними же, а столы пусть будут на фигурных ножках, а стулья с высокими спинками, и поверху тех спинок тоже узоры. Делал все это и себе, и людям, для людей даже больше, чем для себя, старался. И отбоя от заказов не было.

Жизнь, кажется, пошла хорошая, но тут привязалась к матери болезнь. Да такая, что на целых восемь лет Катерина слегла. Ариан ухаживал за ней, как за малым дитем: мыл, одевал, менял простынки. Кормил с ложечки. От брата помощи было мало — с другого конца села не находишься. Умные люди советовали: «И чего ты мать себе на шею повесил? Дома престарелых есть».

Когда Ариан услышал этот совет впервые, стал раздумывать: а и вправду... там и уход за матерью будет лучше — профессиональнее. Может, даже поставят Катерину на ноги. А он что — не врач и даже не фельдшер... А тут еще Варька, соседка, взялась глазками стрелять. Правду сказать, девки давно проходу ему не давали — завидным женихом стал Ариан, но он от них все отмахивался, некогда, мол, дурью маяться. Но Варька... чисто порчу на него навела. Строгает доску — она перед глазами, выпиливать узор возьмется — опять стоит в глазах, зараза! А пуще всего не по себе, когда вечером в клубе дробить частушки начнет:

Вы откуда, вы откуда,
Я из Резоватова,
Сама белая с лица,
Люблю рябоватого!

Белая да гладкая — тут она в точку; но и он, слава родителям и Богу, внешностью тоже не обижен. Ну, так ведь шуткует дивчина, повеселить народ хочет...

Вспомнил: клин вышибают клином. Значит, надо идти сватать. Но прежде все же это дело обговорить. Чего, кажется, проще: домой-то из клуба соседи идут вместе. Вот у калитки и взял ее за руку:

— Варь, погоди...

— Ну, чего скажешь, кавалер?

— А то и скажу, что сватов в ваш дом засылать хочу.

Варька подняла глазки к небу:

— Я бы согласная, да есть одно недоразумение.

— Какое?

— А вот мать твоя... Я что же — сиделкой при ней буду?

Ариан, не ожидавший таких речей, смешался.

— То есть как... то есть куда ж...

— А вот и подумай!

Ручкой помахала, и — калитку на щеколду...

Целую ночь проворочался Ариан без сна. Думал уже передуманное: может, и вправду в доме престарелых мать на ноги поставят, и зря он резину тянет, надо быстрее. Вот встанет утром — и объявит. Мать согласится — он это сердцем чует. Но тут вспомнилось из военного времени: Катерина привезла с мельницы то ли муки, то ли крупной пыли, заварила этим кипяток, и они, Васька, Колька и он, сидят, черпают хлебово ложкой и в рот отправляют: вкусно! «Мам, а ты?» — «Сыта, детки, кушайте сами...» Знает Ариан, что и тогда умные люди советовали солдатской вдове: «Куда тебе с тремя? Не поднимешь. Сдай хотя бы одного в интернат, ну, хотя бы малого». Мать и минуты на раздумье не отвела: «Свое дитя — да в чужие руки? Ни за что!»

Может, и ему хватит голову ломать? Ни за что — вот он, ответ. Прощай, Варька!

Женщину Ариан приведет в дом, когда матери уже не станет. Привел бы и раньше; Настасья, в отличие от Варьки, согласна была за старым человеком ухаживать. Но тут мать воспротивилась: «Никому стану не нужна — ни ей, ни тебе». Не ожидавший такого поворота дел Ариан сначала обиделся, а потом понял: подточенная болезнью мать никому уже не верит, только на него у нее и надежда. Так что — чего обижаться? Терпеть надо.

Их портреты — Катерины, Настасьи, — вон они, висят на стене рядом.

Только Настасья тоже уже нет на белом свете: всего четыре года и длилась их совместная — счастливая — жизнь. Отчего так мало? — терзался Ариан. Он ли о ней не заботился, ни словом, ни делом не обижал? Она ли его не жалела, не баловала и лаской, и добрым словом, и мягким пирожком?

И вот не прозвучит больше в его доме женский смех, женский голос...

И хорошо! И не надо! Чьего-то другого голоса — ни за что не надо ему!

Похоронив жену, Ариан совсем перестал выходить из сарая, который приспособил под мастерскую. Здесь у него и верстак, и инструмент. Строгал, подгонял, выпиливал. В колхозе творилась чехарда: скотину порезали, технику распродали за гроши, землю поделили на паи. Ариан от своего отказался: зачем ему земля? Ему с деревом хорошо. А после одного случая в городе...

Брат Колька подговорил его однажды отвезти в городской магазин стул да столик: сейчас, мол, не прежние времена, опять свободная торговля в ходу. Директриса магазина, женщина немолодая и солидная, долго разглядывала его изделия и бормотала странное: «Ты смотри... Люди исстари свое пространство проживания львиными головами украшали, а он к подлокотникам кресла песьи придумал. Да это уже не стул, это — кресло...» — «Не возьмет», — забеспокоился Ариан. И вдруг услышал четкое:

— Это уже не стул, это кресло. И столик к нему чудесный. Сделаешь еще несколько таких?

Первая часть речи Ариана обрадовала. А вторая огорчила. Повторять одно и то же... неинтересно! Директриса вразумляла:

— Ну что мне один стул... пусть даже и кресло. Чтобы получить хорошую прибыль — их надо целую серию продать.

Ему внушали одно, а он понял другое: не для него такая коммерция! Больших денег ему не надо, ему важнее новую вещь сделать. А там, глядишь, кто из односельчан решит ее купить — ему и хватит...

И опять он строгал, подгонял, выпиливал. Однажды поднял глаза — в проеме двери стоит парнишка. Не сразу — виделись редко — но признал: Дениска, младший Колькин сын. Последышек, поскребышек. Они с женой долго совестились, когда он родился...

— Ну, и чего застрял в дверях? Проходи.

Денис солидно, как взрослый, уселся на табуретку.

— В какой класс-то ходишь?

— В шестой.

— Как там отец с матерью?

Денис только рукой махнул: живут и живут...

— Ну, а чего пришел?

— В школе велели чего-нибудь руками сделать. Для выставки. Отец и говорит: иди к дяде Ариану.

Ариан внимательней посмотрел на племянника: бледноват парнишка.

— Пойдем-ка сначала шей похлебаем.

Пока хлебали, Ариан поставил условие: помогать он будет, но делать племянник все будет сам.

— Сам так сам, — равнодушно согласился Дениска. А когда вернулись в мастерскую, Ариан переспросил:

— Так, говоришь, руками? Ты думаешь, если дерево, так с ним только руками и надо работать?

— А чем же еще? — искренне удивился паренек.

— Э-э, милоч... прежде надо головой потрудиться. Будущее изделие надо сначала представить, нарисовать здесь, — Ариан выразительно постучал по своей черепушке. — А когда рисунок в голове забрезжит — бери карандаш и делай на подготовленной к работе (высушенной, обструганной) доске накид — без этого никак нельзя, только зря время переведешь.

И пошел, и пошел... Про то, что до штриха все дорисовывать тоже нельзя — надо оставить место для полета фантазии. Надо дожидаться, когда в груди займется горячий огонек, а в руках появится нетерпение — вот тогда и можно брать за резак. Сосна, береза, ольха — любое из этих деревьев годится для работы, но лучше всего липа — она мягкая, податливая.

Равнодушие в Денискиных глазах не сразу, но уступило место вниманию. И любопытству. И вылилось в вопрос, с деревом вроде не связанный:

— Вот почему — ты все это можешь, а отец не может?

Вопрос Ариана озадачил.

— Не знаю, — ответил искренно.

Больше ничего говорить не собирался, но почувял, что Дениска как бы недоволен отцом. И потому счел необходимым добавить:

— Твой отец не виноват, что у него этого умения — работать с деревом — нет. А почему оно есть у меня — не знаю.

— А, понял, — хлопнул себя по лбу Дениска. — Это тебя созвездие Ориона одарило. Отец мне говорил, что ты с этим созвездием как-то связан.

— Ну ты даешь... Папка — ладно. Но ты-то пограмотней нас будешь. Вот и подумай: где созвездие, а где я. Меня оттуда, поди, и не видно.

— А тут и видеть не надо. Тут действуют другие законы.

— Это какие же другие? — вконец озадачился Ариан.

— Я пока не знаю. Только догадываюсь. Вот школу кончу, выучусь в институте, приеду и расскажу тебе, какие.

— Это хорошо, — не совсем переварив то, что услышал от племянника, отозвался Ариан. — Хорошо, что дальше школы учиться думаешь. А пока давай топай домой, а то там переживать будет. Завтра буду ждать.

Проводив племянника за калитку, Ариан вернулся в мастерскую, прибрал инструмент, посидел в задумчивости и пошел в дом. На крылечке остановился и поднял глаза к небу. Оно уже хорошо вызвездилось. Где ж там созвездие, про которое толковал племянник? Пошарил по звездному полотну глазами и сразу наткнулся: две ярких звездочки вверху, две внизу. Посередине поясок из трех, помельче. Неожиданно подумал: а ведь племянник, пожалуй, прав. Ни с какого созвездия ему, конечно, ничего не бросали, но свой дар, свою искорку от кого-то он все-таки получил. И если хорошо, крепко подумать...

Перед тем, как открыть дверь в сени, опять глянул на небо. Звезды сияли, словно тебе алмазы. И опять пришла в голову мысль: может, и впрямь — тому, кто сумел сотворить такую красоту, что стоило сбросить тучную ее часть на землю?

ЖЕНЩИНА В ГОЛУБОЙ ШЛЯПЕ

Да, она появлялась на пляже в широкополой голубой шляпе, чем сразу бросалась в глаза. Впрочем, мало ли было на побережье женщин в шляпах самого разного фасона и размера, на море это непрменный атрибут женской летней одежды. Чем же тогда притягивала взоры именно она, та, что в голубой шляпе? Миловидностью лица? Но сейчас миловидных, заикленных на молодости и красоте и научившихся достигать этой цели многими путями, пруд пруди. Причина крылась, скорее всего, в стройности фигуры. Женщина не была юной и даже очень молодой, но формы ее тела впечатляли безупречностью. И все-таки дело было не только в них, а в чем-то еще, чему она, Надя, не могла найти объяснения и определения. В чем же, в чем?..

Откуда ей было знать ответ на этот вопрос, если она не могла даже определить: шляпа женщины — все-таки искусственная или это крашеная соломка? Увы, дожив до своих немалых лет, она так и не научилась разбираться в качестве материальных вещей. Да только ли материальных...

Нет, она никогда не решилась бы завязать знакомство с прекрасной (а разве не так?) незнакомкой. А может, просто не захотела. Разве не для этого она попросила в гостевом доме одноместный номер — чтобы жить замкнуто, ни с кем не общаться, никому не рассказывать о своем безобразном поступке...

Но однажды она пришла на пляж и улеглась загорать не под тентом, а прямо на солнышке. И заснула. Разбудила ее как раз голубая шляпа:

— Женщина, вы обгорите. Может быть, уже обгорели. Идите под тент.

Разбуженная внезапно, она некоторое время ошалело смотрела на возмутительницу ее спокойствия, а когда немного пришла в себя, вынуждена была поблагодарить:

— Спасибо. Действительно, сгорю.

И уползла в тень. На этом их знакомство, к счастью, и остановилось.

Но разве совсем отгородиться в месте массового отдыха от народа? Начать хоть с завтрака. В кафешке, сооруженной прямо на берегу моря, столик рассчитан на четырех отдыхающих. И так получилось, что на другой день она оказалась за одним из них вместе с голубой шляпой и другой парой отдыхающих. Жара не располагала к оживленной беседе; семейная пара быстренько поела и потянулась к воде; голубая шляпа, внимательно на нее посмотрев, сочувственно произнесла:

— Вы, кажется, отчего-то сильно устали. Так что я тоже не буду надоедать вам своим обществом. Приятного аппетита!

И ушла.

Однако в третий раз между ними завязался более-менее связный разговор. Их лежаки оказались на пляже рядом, и соседка спросила:

— Ну, как — немного пришли в себя? Если не хотите, не отвечайте.

Она поняла, что никуда не денешься — надо завязывать на отдыхе хотя бы шапочное (шляпочное) знакомство, поэтому добросовестно прислушалась к себе и честно ответила:

— Да, пришла. Правда, совсем немного.

Соседка понимающе кивнула головой. И вдруг выдала:

— А знаете, почему немного? Вы похожи на человека, который мало думает о себе. В смысле, мало о себе заботится.

Вот этого Надя никак не ожидала. Чтобы вот так, с ходу, тебя взяли учить уму-разуму... Появившееся было желание пообщаться с кем-то мгновенно рассеялось, и она холодно заметила:

— Вы еще скажите, что мне надо полюбить себя. Сейчас это так модно.

Голубая шляпа не обиделась:

— И скажу. Скажу даже больше: именно о себе надо думать прежде всего, в любой ситуации.

Сказала — и пошла к морю. Там всю гоготала молодежь — девицы и парни, к которым шляпа, кажется, имела какое-то отношение, поскольку они охотно приняли ее в свой круг. Надя же, не сумев преодолеть возникшего раздражения, собрала свои вещи и вернулась в номер. А здесь, упав на кровать и уставившись глазами в белый потолок, вдруг спросила себя: а разве то, что сделала она сама — не из серии «полюби себя»?

Вот только думать об этом она не будет. Слишком рано. Об этом вспоминать — и то больно...

Надо как-то от себя отвлечься. Не хочется лезть в воду — значит, надо пойти прогуляться по набережной. Или что там говорили сегодня про экскурсию в дендрарий? Вот — она еще успевает к назначенному времени. Деревья, кусты и цветочки — это как раз то, что ей сейчас нужно. И — ничего больше...

От экскурсии она незаметно отстала и с облегчением опустилась в парке на скамейку напротив розового куста. Куст был шикарный: высокий, ветвистый, и розы рассыпаны по нему щедрой рукой. Господи, сколько красоты в мире... и как давно она не предавалась этому благодостному занятию — любоваться чем-нибудь. Некогда было. Дома — муж-пьяница, но кормить, обстирывать и вообще держать в доме порядок она, как жена, должна. И все это надо успевать рано утром или в вечернее время. Потому что день она проводит у дочери. Там двое детей: студент Гарик (Георгий то есть) и малыш Вадя (Владислав, Вадик). Мама Нина родила его, когда поняла, что Гарик вырос и в любой момент может упорхнуть из семьи, а без детей здесь будет пусто. И не упорхнет ли из такой семьи и супруг?..

Словом, родили. Оба работают. Кому возвращать младенца? Конечно, ей, бабушке. Бабушки на то и существуют, чтобы помогать взрослым детям растить своих детей.

Собственно, она ничего против и не имела. Вадя — такой чудесный малыш, что однажды взяв его на руки, уже не хотелось и выпускать. Ласкуша, умница (еще не говорит, но все-все понимает), а уж какой аккуратист — упадет крошка хлеба на стол, а он ее раз — и в ротик. Чтобы на столе чисто было.

Гарик вырос другим. Проснулся — сто раз ему напомни, чтобы умылся. Сто раз позови к столу (а сначала приготовь — мама утром не успевает). Потом взрослый внук прилипает к компьютеру и... «Гарик, тебе на занятия не пора?» — «Сегодня первой пары нет». Частенько оказывалось, что и второй пары нет. А то и вовсе занятия отменили. Она жаловалась дочери, но в ответ слышала: «У парня сложный возраст, лучше его не

нервировать. Скажу отцу — он с ним поговорит. А ты его не трогай». Она и не трогала. Только чувствовала, как внутри копилось что-то нехорошее... протест? возмущение? Да Господи, чуть ли не ярость!

Надя не заметила, откуда подошла и опустилась на скамейку рядом с ней все та же голубая шляпа. Ну вот, уединилась, называется... И как можно быть такой навязчивой?!

— Я понимаю, что не вовремя... не в ту минуту, не в то настроение... И я опять оставляю вас одну, если вы захотите, — вон наша компания недалеко отсюда. Но, может быть, лучше все рассказать? Знаете, иногда это помогает.

Вот эта нотка сочувствия ее и тронула. И доконала. Она не смогла удержать побежавших слез и — все-все... без утайки... «Ведь ни в чем, никогда не хотел помочь! Да мне его помощь не больно-то была и нужна, раздражало безделье. Целый день у компа! И вот однажды не выдержала. Сказала: если не хочешь учиться — иди работать. Посмотрел сверху вниз (высокий, зараза, вырос) и эдак снисходительно: еще чего посоветуешь, бабуля? Тут бы ему и остановиться. Нет, он подошел, ручищей перед моим лицом вправо-влево эдак повел: может, ты мне и работу найдешь? Родителям вон не удается...

— Не знаю, как и до вечера дотянула, до прихода дочери с зятем. Все клокотало внутри. Ну почему, почему они не видят, какое дитя у них растет? Дочь испугалась, что сын из семьи уйдет, а я думаю — сядет им на шею и до пенсии там просидит!

— И... как же вы оказались здесь?

— Пришла домой и всю ночь не спала. Всю ночь душа на разрыв. Не совсем соображая, что делаю, принялась бросать вещи в чемодан... и утром уже сидела в поезде.

Голубая шляпа молчала. Потом сказала задумчиво:

— Вы поступили правильно.

— Да где же правильно?! Душа-то и сейчас на разрыв! Ведь я бросила ребенка! Оставила дочь в трудной ситуации — удастся ли им сразу нянечку найти?

— Знаете что... Давайте вечером погуляем. После ужина. А сейчас я вас действительно оставляю одну. Ребята вон руками машут...

Ребята... машут... Господи, да чего хорошего было ожидать от этой шляпы, если ребята, далеко не ее ровесники, дороже ей всего на свете? А она, дура, разоткровенничалась...

Ни на какую вечернюю прогулку Надя не собиралась, но эта лисица подкралась после ужина...

— Ребята на дискотеку пошли, не идти же мне с ними. Пойдемте все-таки гулять! В нашем возрасте это важнее всего.

— Да вы намного моложе меня, — неохотно отозвалась Надя.

— Не так уж и намного. И вообще — это не важно. Пойдемте!

Так они оказались на набережной. Море тихонько шумело, приятная вечерняя прохлада (после дневной-то жары) приятно гладила кожу лица и рук.

— Хорошо! — с чувством произнесла спутница. — Правда ведь хорошо?

— Не знаю. Наверно. Я давно не чувствую ничего такого...

— Вот! Вот где собака зарыта! — с еще более сильным чувством высказалась голубая шляпа.

— Какая собака? Почему собака? — равнодушно поинтересовалась Надя.

— А такая... Вы уже потеряли способность радоваться жизни. И разве это жизнь, простите за тавтологию?

— Да когда же ей радоваться, если с утра до ночи как белка в колесе? Я ж вам рассказывала сегодня. Только знаете... не говорите мне больше про любовь к самой себе. Когда у детей проблемы, их надо...

— ...их надо помогать решать, а не сбегать на море. Угадала?

— Тут и угадывать нечего, — сказала она откровенно брюзгливым голосом, не сумев скрыть неприязни.

— Ну и возвращайтесь тогда. Только вот что я вам скажу: вы дошли до той точки, когда у вас уже нет сил даже на это. Вы их исчерпали. Исчерпали все свои внутренние резервы. Вы долгое время пребывали в состоянии натянутой струны, а такая струна... в любой момент может оборваться. Нет, я понимаю, конечно, что бывают ситуации, когда о себе надо забыть: дети болеют, родители старые и немощные. Но у вас ни того, ни другого, только вы сами себе боитесь в этом признаться. Что, опять угадала?

Уже немного растерянно Надя спросила:

— И что же я, по-вашему, должна делать?

— Да просто отдыхать! На полную мощность, на всю катушку! Чтобы зарядить свои батарейки, набраться силенок, а там уже решать, как жить дальше. Но вы не находите для этого мужества и решительности. В самом деле, где их взять, эти силенки, если вы — как спущенный мяч?

Ночью она опять смотрела в потолок. А ведь эта голубая шляпа права... Она — как спущенный мяч. И ее не просто спустили, а еще и притоптали сверху ногой.

...Тот злополучный день имел еще более неприятное продолжение. Вечером — нечаянно, просто проходила мимо — она услышала в дочкиной спальне разговор. Они переодевались после работы в домашнее, зять и Нинка, и мужской голос вдруг произнес:

— Что-то наша нянечка плохо выглядит. Тебе не кажется?

— Да как обычно, — вяло отозвалась жена.

— Может, она болеет?

— В ее возрасте все болеют, что ж тут особенного? — все так же равнодушно прозвучало в ответ.

Она не помнит, как собралась, как машинально простилась:

— До завтра. Я пошла.

И только на улице разревелась... Соседка, врач-кардиолог, уже не раз делавшая ей сердечные уколы, также не раз говорила ей: приходи в поликлинику, сделай хотя бы кардиограмму, сколько я могу на одну интуицию полагаться. «Когда? Некогда...»

И что было особенно больно: зять, чужой, по сути, человек, проявил больше сочувствия и интереса к ее здоровью, чем родная дочь.

А дома было как всегда: на столе — сковородка с недоеденной жареной картошкой, муж храпит на своем диване. А ей еще надо постирать, приготовить на завтра хоть какой-нибудь суп...

Может, ей действительно следует наконец-то отдохнуть? Но для этого надо, прежде всего, перестать страдать и мучиться виной... только разве это возможно? Что надо для этого сделать, что? Может, спросить как раз ее, голубую шляпу?

Случай предоставился уже на другой день. Отдыхающих — всех, кто захотел, — повезли в Сочи: построенный к Олимпиаде Дворец спорта... ледовое шоу... захватывающее зрелище... Надя поехала все с тем же тайным намерением: отвлечься от самой себя, но представление оказалось таким шумным — музыка просто резала уши и стучала по голове, — что она, едва дождавшись антракта, с чувством облегчения вышла на улицу. А здесь на скамейке с удивлением обнаружила голубую шляпу:

— Вы тоже решили уйти? А как же ваши молодые друзья?

— Зачем я им нужна... Я с ними потому, что там моя дочь.

— Дочь? А я думала...

— Что я дружу с малолетками? Нет, просто я прицепилась к ним, чтобы не ехать на море одной. Они приехали целой группой, им хорошо, весело. И мне хорошо! А вообще я стараюсь опекать свое чадо как можно меньше. Пусть научится быть самостоятельной, пока я могу незаметно приглядывать за ней.

— А вот я всегда старалась свою дочь опекать.

— Теперь и она, как я поняла, старается опекать своего взрослого сына. А результат?

— Ой, давайте не будем об этом. Скажите лучше, а отец у вашей дочери... то есть муж у вас — есть?

Против обыкновения, находчивая соседка долго молчала. Потом медленно проговорила:

— Вот мужа — это уж совершенно точно — у меня нет. Хотя когда-то был.

— И куда же он делся?

— Куда-куда... Ушел к другой.

— Это от вас-то — такой красивой? — недоверчиво поинтересовалась

Надя.

Голубая шляпа рассмеялась. А потом доверительно заговорила:

— Вечер такой хороший. Давайте мы не пойдем на второе отделение? И коль уж вы спросили, я все вам расскажу.

Соседка забросила руки на спинку скамьи, уселась поудобнее.

— Знаете, в школе я была для мальчишек своим в доску парнем. Никто не носил мне портфель, не посылал робких любовных записок. Даже за кошечки не дергал — я была спортсменкой и при случае могла дать сдачи. Словом, никаких сантиментов... но ведь от судьбы не уйдешь! Любовь меня настигла уже в институте. Однажды после занятий в анатомичке (я училась в медицинском) мы с подружкой пошли на танцы. Парень, который пригласил меня танцевать, сразу же мне не понравился: лохматый какой-то и, кажется, не совсем трезвый. Танцевать с ним во второй раз я отказалась наотрез. Кавалер обиделся, потащил силой... Я бы, конечно, и сама могла дать ему отпор, но — не успела: неожиданно рядом выросла фигура высокого парня, который схватил моего кавалера за руку и произнес волшебные, никогда мною не слышанные слова:

— Это моя девушка! Отстань!

Собеседница замолчала. Надя решила спросить:

— Вот в него-то вы и влюбились?

— Да еще как! Вскоре оказалось, что и он тоже. Началось какое-то сумасшествие. Например, ехали мы в трамвае и, взглянув друг на друга, вдруг понимали, что нам надо поцеловаться — немедленно, иначе — умрешь! Выскакивали из железной каракатицы и бежали в первый попавшийся подъезд... Учеба отошла на второй план, шла в другом, каком-то

параллельном мире, но мы, тем не менее, умудрялись сдавать сессии на отлично, я — в своем мединституте, он — в своей военно-медицинской академии. Преподаватели говорили, что это был тот редкий случай, когда любовь на пользу, но все-таки советовали нам «войти в рамки». Мы и вошли — сыграли веселую студенческую свадьбу. Сняли комнату в коммуналке. Постоянно там стала жить только я, потому что муж-курсант приходил домой или в день увольнения, или в самоволку. Родилась дочка... Родилась дочка, и поскольку денег на нянечку у двух студюзов не было, я стала учиться вместе с ней.

— Это как?

— Да очень просто: приходила на лекции и укладывала сверточек с дорогим тельцем на стол рядом с тетрадкой, в которой записывала лекции. Одни преподаватели умилялись, другие корили, третьи отпускали домой. Это было особенно кстати: папа по-прежнему был «приходящим», и все заботы по уходу за ребенком лежали на мне. Кашки, пеленки, подгузники (эпоха памперсов еще не наступила)... Расслабляться я позволяла себе только в те нечастые дни, точнее, ночи, когда приходил супруг. Он жил еще в романтическом периоде наших отношений, говорил: давай выскочим из трамвая, а я... я не находила в себе сил даже ответить — разнежившись от того, что за дочкой этой ночью будет кому приглядеть, вырубалась мгновенно, проваливалась в сон. Тем более что к тому времени я нашла себе еще и работу в Доме ребенка. В мои обязанности входило собирать грязное детское белье и относить его в прачечную — это я делала до начала занятий в институте, а после занятий уже чистое белье забирала и разносила по палатам. И все это тоже делала вместе с дочкой.

— Простите меня...

— За что?

— Я про вас думала, что вы избалованная женщина, которая только тем и занимается, что любит себя.

— А и люблю! Теперь люблю. А когда ушел муж... Я его легко отпустила — в том смысле, что не устраивала слез и истерик, но забывала мучительно. Тем более что было что забывать. Он не только на «отлично» учился, мой бывший супруг, он вообще был, можно сказать, благородным человеком. Когда получил работу, а потом и ордер на квартиру, то принес его мне. Вместе мы уже не жили... Так у нас с дочкой появилось собственное отдельное жилье.

— Благородно, конечно, но... бросил же!

— Понимаете... Быт — это такая вещь, которая не каждому человеку под силу. Мы, женщины, «перемалываем» его, потому что от этого напрямую зависит здоровье наших детей. А мой муж от рутинного быта всегда был как-то в стороне. Сначала потому, что его не пускала к нам казарма, а потом... да, наверное, он просто так устроен — НАД бытом. Вот, допустим, садится он пить чай. Если ему не дать в руки ложку — он так и выпьет его горьким, не удосужившись положить в стакан сахар. Талантливые люди вообще часто рассеянны.

— А он талантливый?

— Теперь он профессор в той академии, где когда-то учился.

— А та женщина... она освободила его от быта?

— В чем-то да. У нее, вдовы генерала, была хорошая квартира, которую убирала приходящая женщина. Боюсь только, что в том оазисе, убираемом посторонним человеком, мой бывший пьет чай горьким, потому

что никто ему не подает ложку. А может, я ошибаюсь. Мы с дочкой давно живем в другом городе. Так что ничего наверняка я не знаю.

Долго молчали. Южная ночь была темной и ласковой, как домашний кот: гладь его и нежся сама. Только разве развежишься от такой жизни...

— Если бы я не услышала всего, что вы мне сейчас рассказали, я бы не стала задавать вам этого вопроса. Но теперь спрошу: а когда же вы научились любить себя? И вообще, что это значит: любить себя? Вот вы остались без мужа. Это же было страшно?

— Это было невыносимо! Я его легко отпустила (в том смысле, что не закатывала сцен и истерик), а забывала мучительно трудно! Но однажды случилось вот что. Однажды, выйдя на улицу, я забрела туда, куда до того дороги не знала — в храм. Ноги сами привели. Ноги — или, может, душа? Наверное, она лучше нас знает, куда надо вести человека в трудную минуту. И вот захожу я в церковь, служба уже кончилась, батюшка стоит посреди храма, беседует с кем-то из прихожан. Я дождалась конца беседы, подошла и — без предисловий: «Батюшка, как надо жить?» Всего ожидала: разъяснительной беседы о греховной природе человека, укоров в том, что раньше в храм не ходила. И вдруг услышала такое... вы не поверите... также без всяких предисловий батюшка вдруг произносит слова: «Жить надо красиво. Надо, чтобы в доме была песня, шутка, радость...» Мы долго с ним говорили... может быть, это была даже исповедь с моей стороны... Но знаете, что я вскоре сделала? Пошла в бассейн, потом в спортзал, перестала пропускать концерты приезжих знаменитостей. И дочка за мной тянулась — как ниточка за иголочкой. Говорят же педагоги, что лучшее воспитание — личный пример. А если бы я ударилась в тоску и печаль... если бы дочка каждый день видела страдающую, унылую маму — пошло бы ей это на пользу? Между прочим, в другой раз, в другую нашу встречу тот же батюшка мне сказал, что уныние — это грех, причем тяжелый... Но я, кажется, утомила вас?

— Нет-нет... наоборот...

Двери Дворца спорта открылись, из них повалила публика. Они тоже поднялись, направляясь к своей маршрутке, но у Нади было чувство, что самое главное, самое нужное для себя она успела услышать.

Ночью она долго ворочалась, искала удобное место и никак не могла найти. Прокручивала в голове все, что услышала этим вечером от голубой шляпы. Неожиданно поняла: а ведь она до сих пор не знает имени этой женщины. Почему-то казалось, что имя и не важно, важно только то, что она от нее слышит. Нет, надо будет завтра все же узнать.

А еще надо спросить... В ней вдруг зашевелилось прежнее, недоверчивое отношение к голубой шляпе. Вы подумайте: ее учит любить себя, а сама... сама до сих пор любит этого своего курсанта, который теперь профессор! Это ведь как день ясно. И чего она сразу не догадалась ей об этом сказать? Да, завтра надо обязательно с ней встретиться и спросить... и узнать...

Голубой шляпы на пляже не было. И ребят не было. Она вспомнила, что ее знакомая незнакомка (вот ведь как бывает!) рассказывала, что они живут в домиках почти под железной дорогой — у хозяйки что-то типа египетских бунгало. Ну и почему бы ей не попытаться их разыскать? Надо же ей получить ответы на свои вопросы. Да и вообще... может, надо вообще продолжить их знакомство?

Домики нашлись быстро; по двору между ними ходила женщина в халате, надо полагать, их хозяйка.

— Скажите, у вас тут жили молодые люди? А с ними женщина, которая приходила на пляж в голубой шляпе.

— Жили, да съехали.

— Как? Почему? — в полной растерянности от неожиданного сообщения спросила Надя.

— Да откуда я знаю, почему? Это ж молодежь. Кто-то им позвонил, куда-то позвал, они тут же принялись собираться и рано утром уехали на вокзал. Как я поняла, они уже третье место меняют. Молодежь!.. А та женщина — как же она отобьется от компании? С ними и поехала. Я вот уже новых постояльцев готовлюсь принимать. Хотя, подождите... Это голубая шляпа оставила записку, сказала, что, возможно, за ней кто-то зайдет. Может, это как раз вы?

— Не знаю... возможно.

— Ну так и держите эту записку. Не буду же я ее хранить вечно.

Хозяйка нырнула рукой в карман халата и вынула сложенный вчетверо листок бумаги. Надя тут же его развернула. «Распрямите спинку. Посмотрите внимательно вокруг себя: вы видите, как прекрасен мир? Ходите почаще, пока есть возможность, к тому розовому кусту. Вы должны вернуться домой не провинившейся беглянкой, а женщиной, полной сил, достойной уважения и любви своих близких...»

Слезы дождем закапали на листочек, хозяйка участливо спросила:

— Что, она чем-то расстроила вас, эта голубая шляпа?

— Нет-нет, совсем наоборот. Спасибо вам за эту весточку. До свидания. Уже в калитке Надя обернулась:

— Скажите, а как ее звали?

Ей никто не ответил — во дворе никого уже не было.

ДВЕ ЗАБЫТЫХ СТРОКИ

Она уже красила губы — наносила последний штрих перед уходом из дома, когда дочь вышла из своей комнаты и остановила ее вопросом:

— Ты куда?

— Как куда? На работу.

— А говорят... говорят, ты по посадкам с районным начальством ша-лашуешь.

Кира замерла, потом стала поворачиваться к дочери — медленно-медленно, в надежде, что та, пока она это делает, успеет сказать что-то другое. Но другого не прозвучало. И тогда она обрушила на нее свой гнев:

— Да как ты смеешь? Что ты можешь понимать в отношениях взрослых людей?

Дочь раздумывала недолго:

— Согласна: я многого не понимаю. Не понимаю, например, как ты могла предать отца, как не побоялась выставить на посмешище нас обоих.

Иркину речь прервала звонкая пощечина. Это она ударила дочь. Впервые в жизни. По лицу...

И впервые в жизни не шла, а тащилась на работу, в свой фельдшерско-акушерский пункт. А временами даже останавливалась, незряче глядя перед собой и задавая себе какой-нибудь нелепый, с заранее известным ответом вопрос. Например: Ирка и вправду осмелилась *такое* сказать?

Или: откуда ей знать? Или: что теперь делать, как жить дальше? Вот на последний ответа пока не находилось. Осмелилась — понять можно: дочь всегда была независимой и прямой в суждениях (сама же ее этому и научила!). Откуда знать? Да в селе все у всех на виду. У Ирки подружки, у подружек матери, не особо стесняющиеся в выражениях при своих уже немаленьких дочерях. Ох уж эти местные нравы...

— Кира Андреевна, скорее!

Кричала уборщица, Клава.

— Что... случится? — почти равнодушно поинтересовалась она.

— Звонят и звонят. Василию плохо.

Сделав над собой усилие, заставила себя сказать:

— Значит, я пошла к Зыряновым. Кто придет — пусть подождут.

Работа ее всегда выручала. Закрутишься в ее круговороте — и мысли приходят в порядок. Что неважное — отступает, отходит на второй план и уже не застит глаза. А на первом — сбить давление, сделать перевязку, укол. Да мало ли... Хорошо хоть роды принимать не приходится — на это районная больница есть. Но вот наблюдать тяжелых больных она обязана. Василий — из таких. Операцию ему даже не в районе — в области сделали, а на долечивание отправили домой. А долечивание идет плохо. Возраст... Жена сама не совсем здорова, то сготовит поесть, то махнет рукой: не барин — вон молоко с хлебом. А ведь ему резекцию желудка сделали.

— Ну, а проветривать жилище кто будет? — это она даже прежде приветствия сказала, до того в доме было душно.

— Все тебе не так, Андреевна. Городскими привычками живешь. Никак ты к нашей жизни привыкнуть не можешь.

— Это не мои привычки, это элементарные санитарные требования. Тем более что в доме больной.

— А я не больная? — вскинулась Зойка. — Меня самое хоть в больницу вези. Чего его там-то не долечили? Не-е-т, выкинули домой. Спасайся, как можешь. А не можешь...

Кира — внутри себя — привычно возмущилась: вот и опять эти местные нравы — мужу сейчас хуже, чем ей, им надо заниматься всерьез, а жена...

Но, уже набрав обезболивающего в шприц, вдруг замерла: а она? Она сама?.. И тут же себе приказала: хватит нюнить! Она — дело делает! Спасает человека!

— Василий Игнатич, повернись чуток... Вот так, сейчас будет легче. А вообще, Зоя Петровна, попросите кого-нибудь зарубить курицу, сварите мужу бульон. Еда для него сейчас — то же лекарство.

— Во-о-н чего... Ладно, сварганю. Мне-то лекарства получше не подберешь? То помогают, а то...

— У вас хорошие лекарства. Пейте регулярно, не пропускайте ни дня. До свидания, будьте здоровы.

— И тебе того же...

Зачем она оглянулась назад, на окошко Зыряновых? Но вот оглянулась, и показалось, что хозяйка дома смотрит ей вслед — насмешливо...

И опять она наедине со своими мыслями. Пожалуй, сегодня даже работе не навести в них порядок. Дочь все перевернула, перемешала, превратила в хаос. То, в чем она была уверена еще вчера... а в чем она была уверена вчера? Да в том, что все, что она делает — обсуждению, а тем бо-

лее осуждению, не подлежит! Все и всегда она делала правильно. Даже тогда...

Окончив медучилище, большинство ее подруг всеми правдами и неправдами старались остаться в городе. А она сразу решила поехать в село. Возможно, конечно, ей польстило предложение директрисы: «Ир, звонили из Васильевки — самое большое пригородное село осталось без фельдшера. Ты же у нас была одна из лучших, можно даже сказать, самая лучшая. Как бы тебе там обрадовались! Может, рискнешь?» Можно было отказаться, но она решила: рискну!

Мама, сама медицинский работник, завздыхала: и что ты в этом селе будешь делать?

— То же, что и ты в городе — работать. К тому же, мне обещали жилье. В перспективе.

— Вот именно — в перспективе. И насколько она растянется?

«Да насколько бы не растянулась, — думала она про себя. — Пора уже самостоятельную жизнь начинать»...

Однако ждать новому фельдшеру пришлось недолго: в колхозе (тогда он уже назывался то ли ТОО, то ли другой какой-то аббревиатурой) сдали многоквартирный дом, и она, Кира, получила ключи от квартиры. Как потом оказалось — очень вовремя, потому что больше в хозяйстве уже ничего не строилось. А тогда... Тогда она, счастливая и гордая (получила, получила крышу над головой, и даже раньше, чем думалось!), быстро вышла замуж. Словом, все складывалось хорошо. Если бы не одно «но». Мамино опасение «что ты там будешь делать» со временем вылилось в конкретное понимание: среда, в которой теперь предстоит жить и работать, ей, Кире, совсем не по душе. Да, свежий воздух, красоты природы, физический труд — если в меру, если не перенапрягаться — это хорошо. Но вот местный народец... Поначалу она даже не могла сформулировать своего отношения к нему, пока однажды стало ясно как день: люди, среди которых она теперь живет, не знают, что такое счастье! Не знают и, самое главное, не хотят знать. Их вполне устраивает давно установившийся порядок существования: день отдай полю или ферме, вечером иди на свой огород и обиходи скотину, за ужином поинтересуйся у детей: уроки-то сделали, оглоеды? А ночью... ночью они храпят, друг от дружки отвернувшись, а если и повернутся... все происходит просто, как у случающихся на улице собачонок...

Выручала Киру как раз работа: приходишь в дом, и они, местные, глядят на тебя как на спасительницу: помоги, вылечи здесь, не заставляй ездить в район — вон сколько у нас делов. «Не делов, а дел», — поправляла она поначалу. Потом махнула рукой: да говорите вы, как хотите. А она будет — как считает нужным.

Когда родилась дочка, стало легче. Верней, труднее — в смысле забот и хлопот. Зато некогда стало раздумывать на тему: правильно — не правильно, вернуться — не вернуться... А когда все-таки заикалась на эту тему, муж устало обрывал: «Кир, у меня сейчас пахота... сев... уборка...»

В селе у каждого, кроме имени, свое прозвище. Ее Валентина за глаза звали Вальком. Подрастающая дочка однажды спросила: мам, а что это такое — валеk? Конечно, откуда ей знать, что когда-то, до эпохи стиральных машин, этим нехитрым изделием из дерева женщины выколачивали на речках белье — чтобы оно лучше отстиралось. Ни на что другое валеk не годился. Так что ее Валеk — и вправду валеk. Нет, он не ленивый, всякую работу пусть и не торопко, но делает. А вот по характеру, по

темпераменту — точно валеж: где положила, там и найдешь. Разве сейчас время таких людей? Разве такие могут чего-то добиться в жизни? Когда эти мысли начинали мучить ее, она себя укрощала так: в конце концов, в городе она могла вляпаться в такого же валька. И ничего-то ничегошеньки в своей жизни она менять не собиралась. Пока не случилось это...

На одном из районных совещаний — ни повестки дня, ни его задачи сейчас уже не вспомнить — она поймала на себе взгляд незнакомого симпатичного мужчины. Кажется, этот взгляд перехватила и соседка, фельдшерница из соседнего села Валя Уварова. И поспешила шепнуть:

— Знаешь, кто это? Новый начальник РУСа. Старый на пенсию ушел, взамен прислали этого. Видишь, какой красавчик-молодчик...

Помолчав, еще и сочла необходимым добавить:

— А жена к нему, между прочим, пока не приехала.

Совещание шло своим чередом, и она, Кира, время от времени ловила на себе все те же взгляды. «Красавчик-молодчик» не просто смотрел — он словно бы еще и улыбался — все теми же глазами. А когда все закончилось и народ заспешил к своим автобусам и машинам, обладатель улыбчивых глаз неожиданно оказался рядом. И сказал ей, как давней знакомой:

— А давайте я вас подвезу? Вы из какого селения?

Так и сказал: не села, а селения. Словно шутя, словно давая ей возможность отнестись к его предложению так, как захочется: всерьез или не совсем. А она... она вдруг почувствовала себя ребенком, за которым не следят отлучившиеся из дома родители. И значит, можно позволить себе любую вольность, любую шалость. И почему бы ей не принять приглашение этого ну очень симпатичного и, главное, уверенного в себе (не в пример другим!) мужчины с улыбчивыми глазами?

Свободой они воспользовались тогда на всю катушку... и пользовались еще не раз...

Чем она оправдывала себя? А вот теми, неожиданно всплывшими в памяти строчками:

Любовь оправдывает все,
Как цель оправдывает средства...

В том, что это была любовь, она не сомневалась. Почему так неожиданно нахлынула? А разве она, замужняя женщина, могла ее ждать? Почему так молниеносно ими овладела? Да потому, что налетела, как вихрь. Почему она нисколько ей не сопротивлялась? Да потому, что надоело вот это: спать, отвернувшись друг от дружки. Ей выпало счастье познать нечто другое... Она уже сто лет не ощущала мужского прикосновения, от которого дрожит и блаженствует каждая клеточка тела. А у души вырастают крылья. Этими крыльями она готова обнять весь мир — обнять, согреть и защитить от всякой беды... Да способен ли кто-то из тех, среди кого она вынуждена теперь жить, испытать подобное чувство?!

Чувство это было таким огромным, что им хотелось даже поделиться. С кем? А что, если... с дочерью? — пришла ей однажды в голову сумасшедшая мысль. Девочка закончила восьмой класс — возраст, когда мы примериваем на себя взрослые чувства. Вот она и скажет ей: доча, настоящая любовь — это — не обманись! — не только, когда ликует тело, но когда ликует душа! Да, душа!

...И вот — поговорили.

Рабочий день подходил к концу. Сделаны перевязки и инъекции, розданы лекарства и рекомендации по их применению. Теперь предстоит вернуться домой...

Дочка, пока они были одни, молчала. И она молчала. А когда вернулась с работы отец, сделала вид — спасибо, умница! — что между ней и матерью ничего не произошло. Вместе поужинали, полили огород. А совсем перед сном сели на крылечке поболтать — это случалось, когда муж приходил домой пораньше. Кире сегодня не говорилось, зато оживленно щебетали отец с дочерью, обсуждая важную проблему: заводить или не заводить кроликов.

— Но ты же понимаешь, дочь, что они жрут почти постоянно. Значит, и еду им надо поставлять соответственно.

— Ну и что, я готова. Что у нас, травы мало?

— Травы-то достаточно, а вот как с трудовым энтузиазмом?

— Не сомневайся, папочка, я управлюсь.

Валек изредка поглядывал на жену, и Кира решила сказать свое веское слово:

— На меня не рассчитывайте, у меня своих забот...

— Никто и не рассчитывает, — спокойно, но с каким-то тайным подтекстом вела свою линию Ирка, и отец, никакого подтекста, конечно, не уловив, решил подвести черту:

— Все, решено и подписано. В конце концов, свернуть это дело можно также легко, как и начать.

Вот именно... Ничего другого от валька она и не ожидала...

Пора было расходиться спать; Ирка обычно уходила первой, а тут чего-то медлила. Сидела, уставившись глазами в темноту. И вдруг...

Любовь оправдывает все,
Как цель оправдывает средства...

Кира напряглась: неужели это сказала дочь? Неужели случилось невероятное — она ее все-таки поняла?!

И тут оказалось, что радовалась она рано. Потому что потом из Иркиных уст прозвучало:

...Но мне подсказывает сердце —
Не все оправдано, не все...

Дочь поднялась со ступенек и непривычно устало для своего девчачьего возраста произнесла:

— Ну, я пошла спать. Спокойной ночи, родители.

Какое уж там спокойной! Мучительной ночи в ее жизни, пожалуй, и не было.

Супруг, конечно, сразу же захрапел (или сделал вид, что захрапел?), но сегодня Кира была этому даже рада. Она лежала, боясь пошевелиться, словно малейшее ее движение могло разбудить, растревожить мужа, и — кто знает — на какой спровоцировать вопрос. Да и не хотелось — двигаться. Она чувствовала себя как неожиданно попавший в капкан зверек: чем меньше шевелишься, тем меньше боли.

Это что же получается: то, что она хотела преподнести дочери как возвышенное чувство, как любовь, в ее, Иркиных, глазах выглядит как обыкновенная измена. Более того, как предательство. Как такое могло случиться?.. И что теперь все-таки делать — отрубить, отрезать, зачерк-

нуть все, что так неожиданно появилось в ее жизни? Но ведь это значит — отказаться от счастья!

От счастья? Но счастье должно приносить радость, а она чувствует себя — несчастней некуда. То, что ее не поймет село, да хоть и целый мир! — ее мало волнует. Но то, что не понимает дочь... Ведь это прозвучало как приговор:

Но мне подсказывает сердце —
Не все оправдано, не все...

Она и сама всегда знала, что за первыми строчками стихотворения следуют еще две, вот эти. Почему она вовремя не вспомнила их? Не вспомнила или не захотела вспомнить? Решила, как это было всегда, что сама умнее всяких там строк. Что она не может заблуждаться и ошибаться. Что ей никогда ни в чем не придется себя за что-то корить и винить...

И отчего ей вспомнилось сейчас давнее, совсем не имеющее отношения к тому, чем она терзается в эту мучительную ночь, событие? Даже не событие, а — так, незначительный штрих, маленький эпизод из жизни. Она уже успела какое-то время поработать в селе, успела убедить людей, что дело свое знает и выполняет очень даже неплохо. В селе намечалась свадьба, а жених незадолго до этого радостного события сломал руку. Ей пришлось оказывать ему первую помощь, и все она сделала так грамотно, что пострадавший быстро пошел на поправку, в результате чего благодарные молодые пригласили ее на свое торжество, причем вместе с приехавшей погостить у нее матерью. Все было как обычно на сельской свадьбе: гости ели, пили, пели и танцевали до упаду. Кира снисходительно поглядывала вокруг себя и немного скучала. Уловив это, мать невесты пригласила их с матерью в свой уголок, где сидели немолодые уже люди, ее подружки. Они тоже смотрели на молодежь и тоже, кажется, немного скучали. Одна из них даже вздохнула:

— И что за песни нынче поют? Ни уму, ни сердцу. Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша...

Кире стало еще скучнее: ну, завели... Она не смогла удержаться от замечания:

— Да что вы глупости говорите? У всякого времени свои песни. Вам нравились ваши, а нынешней молодежи — свои.

Мама дернула ее за руку: помолчи, мол. Но она сочла необходимым еще и добавить:

— Ваши песни нравились вам, потому что вы были тогда молоды — вот в чем причина.

Женщины переглянулись между собой, но возражать не стали. И она решила, что все с ней согласились. Она была уверена в этом до тех пор, пока однажды, собираясь на работу, не выхватила из телеящика фразу: «Современная эстрада — это такое безвкусие, такой примитив...» «Вот, еще один любитель старинных песен нашелся», — с досадой подумала она. И вдруг в недоумении застыла: фразу произнес очень популярный и, главное, уважаемый ею певец. Не любитель, как подумала она поначалу, но как раз-то знаток, профессионал, имеющий полное право судить о песенном искусстве. Что еще ее впечатлило — певец не побоялся высказать критику в адрес таких же, как он, исполнителей современной песни.

А потом случилась эта история с «Голосом». У телевизора Кира сидела редко. Эти вечные ток-шоу — треп на политические темы, иногда даже с мордобитием... это вечное копанье в грязном белье так называемых

звезд... бр-р-р... «Голос» был редким исключением из правил. И вот в одной из таких передач совсем юная девушка запела вдруг «Белым снегом» — песню, которую, возможно, Кира услышала впервые даже не от мамы — от бабушки. Ее поразило, как трепетно выводила певица эти простые — проще некуда — слова, эту несложную — проще некуда — мелодию... Душа отзывалась на каждый ее звук... что-то вспоминала... о чем-то грезила... на что-то надеялась... Как удавалось это юной певице, совсем девчонке? Да ведь как раз потому — поняла вдруг Кира — что ее собственная душа оказалась в плену старинной песни!

Значит, они были правы, женщины на той свадьбе? — спросила сейчас она себя. И ведь что удивительно — ни слова укора не сказали ей тогда в ответ! Вообще ничего не сказали. Только опустили глаза. Словно им стало стыдно.

А ведь и стало... за нее! — обожгло ей щеки запоздалым прозрением...

Все, хватит! — осадила себя Кира. И сама себе приказала: спать! Ишь разнюнилась, распустила себя.

Очень кстати припомнилась ей в ту ночь еще одна, обнадеживающая поэтическая строчка: «Только ты не страдай в одиночку, пожалуйста...» Да — почему она страдает в одиночку? Не пора ли подключить к этому мучительному занятию еще одного человека?

Как замечательно, что цивилизация дотумкалась до мобильных телефонов! Звони, когда хочешь, откуда хочешь. Вот хоть с той улицы райцентра, на которой она оказалась сегодня, очень кстати вызванная в райздрав.

— Алло, Виталь, ты меня слышишь?

— Да.

И молчит. И не слышно привычного «дорогая»...

— Что случилось? Почему ты молчишь?

— Видишь ли... приехала жена.

— И — что?

— Ну, ты же умная женщина. И должна понять...

Машинально нажав кнопку отбоя, она какое-то время стояла, ошеломленная. Словно ее обдали холодной водой. Или, напротив, кипятком... А потом пошла, сама не зная куда. Она — умная женщина — что-то должна понять. Самостоятельно. Без помощи того, на кого вдруг почему-то возложила надежды...

Непонятно как она оказалась в храме. В Васильевке церкви нет, а здесь, в райцентре — пожалуйста. Пришла, как сомнамбула, и остановилась в дверях. Старуха, стоявшая неподалеку, подошла ближе и прошептала: «Что без платка? Вон — косынки лежат, возьми и покрой голову».

Подчинившись повелительному голосу, Кира прошла вперед и сделала то, что велели. И застыла посреди храма соляным столбом. Просто стояла и слушала церковный хор, ни о чем не думая, отделившись от целого мира. Через какое-то время заметила, что в левой стороне храма батюшка принимает исповедь. Пойти? Но зачем? Разве она не знает, каким словом священник назовет то, что с ней произошло? Ей это слово давно и хорошо известно. Единственное — ей никогда не приходило в голову, что когда-нибудь его придется произнести в... собственный адрес. Как Божий день (вот именно — Божий, а какой же еще?!) стало ясно: улыбчивый Виталий ее предал. Но сначала он предал жену. А у нее, умной, все же не хватило ума сообразить, что если мужчина предал одну женщину, то по-

чему следующей не может оказаться она? Она что — какая-то особенная, из тех, кого нельзя предавать? Да в этом-то все и дело: она решила, что имеет право. Право на такие отношения... Другие — не имеют, а она — имеет...

Тронула щеки — они были мокрыми. Такими мокрыми, что хоть выжимай. Скорее, скорей отсюда...

Старуха-цербер в дверях опять успела ее достать:

— Чего реветь-то? Придешь домой — и реви. А здесь веди себя, как положено.

Она покорно слушала, удивляясь себе: чего не осадит старушеницу? Почему позволяет читать ей нотации? А та вдруг смилостивилась, сказала едва ли не жалеючи:

— Думаешь, у других меньше горя, других меньше гложет? И к бабюшке зря не пошла... Косынку-то, косынку оставь.

Кира вернулась, чтобы положить косынку на место. И опять застыла на месте, сухими уже глазами посмотрев вокруг себя, на тех, кто стоял в храме. Ее вдруг пронзило: а ведь я такая же, как они. Как все. Может быть, не хуже, но наверняка и не лучше.

И — странно — душа эту мысль приняла. Ей даже не стало от этого больней. Кажется, даже легче стало...

